

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г60

Серия «Эксклюзивная классика»

John Galsworthy
THE FORSYTE SAGA

Перевод с английского

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Голсуорси, Джон.

Г61 Сага о Форсайтах [Роман. В 2 т.]. Т. II / Джон Голсуорси: [перевод с английского] — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 640 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-099506-6

«Сага о Форсайтах» Голсуорси писал более 15 лет. Поистине не имеющий аналогов по масштабности цикл, охватывающий жизни не одного поколения семьи Форсайт и их ближайшего окружения. Неоднократно служившая основой для телесериалов и фильмов, эта эпическая семейная сага, с одной стороны, поднимает острые социальные вопросы, а с другой — рассказывает о судьбах людей, чьи жизненные перипетии не оставят никого равнодушным. Яркие характеры, неожиданные сюжетные повороты, любовь и страсть, сметающие все на своем пути, сплетни, козни, интриги, тайны, — вот основа успеха этой никогда не устаревающей книги.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Перевод. М. Богословская, наследники, 2016
© Перевод. М. Лорие, наследники, 2013
© Перевод. Н. Вольпин, наследники, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2018

В петле

(Части 2, 3)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Третье поколение

Джолли Форсайт как-то в ноябрьский день шел не торопясь по Хай-стрит в Оксфорде; навстречу ему, так же не торопясь, шел Вэл Дарти. Джолли только что снял свой фланелевый гребной костюм и направлялся в «Сковородку» — клуб, членом которого его недавно выбрали. Вэл только что снял свой верховой костюм и направлялся прямо в пекло — к букмекеру на Корнмаркет-стрит.

— Хэлло! — сказал Джолли.

— Хэлло! — ответил Вэл.

Кузены виделись всего два раза: Джолли, второкурсник, пригласил как-то новичка к завтраку; а еще они встретились случайно накануне вечером в несколько экзотической обстановке.

На Корнмаркет-стрит, над мастерской портного, обитало одно из тех привилегированных юных созданий, именуемых несовершеннолетними, коим досталось недурное наследство, чьи родители умерли, опекуны далеко, а инстинкты порочны. Девятнадцати лет сей юноша вступил на стезю, привлекательную и непостижимую для простых смертных, для которых и один проигрыш достаточно памятное

событие. Уже прославившись тем, что был единственным в Оксфорде обладателем рулетки, он проматывал свои будущие доходы с умопомрачительной быстротой. Он перекрутил Крума, хотя, будучи натурой сангвинической и субъектом весьма упитанным, не обладал пленительной томностью последнего. Для Вэла получить доступ к рулеточному столу было своего рода крещением, а возвращаться в колледж позже установленного часа через окно с подпиленной решеткой — уже в своем роде посвящением в рыцари. И вот в одну из этих божественных минут, накануне вечером, подняв однажды взгляд от обольстительного зеленого сукна, он увидел сквозь клубы дыма своего кузена, стоявшего напротив. «Rouge gagne, impair, et manque!»* Больше он его уже не видел...

— Пойдемте в «Сковородку», выпьем чаю, — сказал Джолли, и они направились в клуб.

Постороннему наблюдателю, увидевшему их вместе, удалось бы, вероятно, заметить неуловимое сходство между этими троюродными братьями третьего поколения Форсайтов: тот же склад лица, хотя серые глаза Джолли были более темного цвета, а волосы светлее и волнистее.

— Чаю и булочек с маслом, пожалуйста, — заказал Джолли.

— Попробуйте мои папиросы, — сказал Вэл. — Я видел вас вчера вечером. Как дела?

— Я не играл.

— А я выиграл пятнадцать фунтов.

Хотя Джолли и очень хотелось повторить шутовливое замечание об азартной игре, которое как-то

---

* «Красное выигрывает, нечет и первая половина!» (фр.) — возглас крупье.

обронил отец: «Когда тебя обставят — жалко себя, когда сам обставишь — жалко других», — он ограничился тем, что сказал:

— Мерзкая игра, по-моему; я учился в школе с этим субъектом — он набитый дурак.

— Ну нет, не знаю, — сказал Вэл таким тоном, как если бы выступал в защиту оскорбляемого божества, — по-моему, он отличный малый.

Некоторое время они молча пускали клубы дыма.

— Вы, кажется, знакомы с моими родными? — сказал Джолли. — Они завтра приедут ко мне.

Вэл слегка покраснел.

— В самом деле?! Слушайте, я могу дать вам совершенно точные указания, которыми вы можете руководствоваться на манчестерском ноябрьском гандикапе.

— Благодарю вас, но я интересуюсь только классическими скачками.

— Там много не выиграешь, — сказал Вэл.

— Я ненавижу букмекеров, — сказал Джолли, — вокруг них такая толкучка и вонь, я просто люблю смотреть на скачки.

— А я люблю подкреплять мое мнение чем-то конкретным, — ответил Вэл.

Джолли улыбнулся; у него была улыбка его отца.

— У меня на этот счет нет никаких мнений; если я ставлю, я всегда проигрываю.

— Конечно, на первых порах приходится платить за советы, пока не приобретешь опыта.

— Да, но вообще все сводится к тому, что надуваешь людей.

— Разумеется, или вы их, или они вас — в этом-то и есть азарт.

У Джолли появилось слегка презрительное выражение.

— А что вы делаете в свободное время? Гребным спортом не занимаетесь?

— Нет, я увлекаюсь верховой ездой. В следующем семестре начну играть в поло, если только удастся заставить раскошелиться дедушку.

— Это вы о старом дяде Джемсе? Какой он?

— Стар, как кора земная, — сказал Вэл, — и вечно дрожит, что разорится.

— Кажется, мой дедушка и он были родные братья.

— По-моему, среди всех этих стариков не было ни одного спортсмена, — сказал Вэл, — все они только и делали, что молились на деньги.

— Мой — нет, — горячо сказал Джолли.

Вэл стряхнул пепел с папиросы.

— Деньги только для того и существуют, чтобы их тратить. Я бы хотел, черт возьми, чтобы у меня их было побольше.

Джолли смерил его пристальным неодобрительным взглядом, унаследованным от старого Джолиона: о деньгах не говорят. И опять наступила пауза, оба молча пили чай и ели булочки.

— Где останутся ваши родные? — осведомился Вэл, делая вид, что спрашивает это между прочим.

— В «Радуге». Что вы думаете о войне?

— Да пока что дело дрянь. Буры ведут себя совсем не по-спортсменски, почему они не бьются открыто?

— А зачем им это надо? В этой войне и так всё против них, кроме их способа драться, а я так просто восхищаюсь ими!

— Конечно, они умеют ездить верхом и стрелять, — согласился Вэл, — но, в общем, паршивый народ. Вы знаете Крума?

— Из Мертон-колледжа? Только по виду. Он, кажется, тоже из этой игорной компании. Он, по-моему, производит впечатление дешевого фата.

— Он мой друг, — сдержанно отчеканил Вэл.

— О! Прошу прощения.

Так они сидели, натянутые, избегая смотреть друг другу в лицо, прочно укрепившись каждый на позиции собственного снобизма. Ибо Джолли бессознательно равнялся по кружку своих товарищей, девизом которых было: «Не воображайте, что мы будем терпеть вашу скучищу. Жизнь и так слишком коротка, мы будем говорить быстрее и решительнее, больше делать и знать больше и задерживаться на любой теме меньше, чем вы способны вообразить. Мы «лучшие» — мы как стальной трос». А Вэл бессознательно равнялся по кружку товарищей, девизом которых было: «Не воображайте, что нас можно чем-нибудь задеть или взволновать. Мы испытали все, а если и не все, то делаем вид, что все. Мы так устали от жизни, что минуты для нас тянутся, как часы. Проиграем ли мы последнюю рубашку — нам все равно. Мы ко всему потеряли интерес. Все — только дым папиросы. Бисмилла!» Дух соперничества, присущий англичанам, обязывал этих двух юных Форсайтов иметь свои идеалы, а в конце столетия идеалы бывают смешанные. Большая часть аристократии нашла свой идеал в догматах «скачущего Иисуса», хотя там и сям личности вроде Крума — а он был из аристократов — тянулись к оцепенелой томности и нирване игорного стола, этого *summit*

bonum* прежних денди и ловеласов восьмидесятих годов. И вокруг Крума все еще собирались представители голубой крови с их былыми надеждами, а за ними тянулась плутократия.

Но между этими троюродными братьями существовала и какая-то более глубокая антипатия, простекавшая, по-видимому, из их неуловимого семейного сходства, которым оба они, казалось, были недовольны, или из какого-то смутного ощущения старой вражды, все еще существовавшей между этими двумя ветвями форсайтского рода, ощущения, которое зародили в них случайные словечки, полупамеки, оброненные в их присутствии старшими. Джолли, позвякивая чайной ложечкой, мысленно возмущался: «Боже, эта булавка в галстук, и этот жилет, и манера растягивать слова, и эта рулетка — какой ужас!»

А Вэл, дожевывая булочку, думал: «Ну и несносный же субъект!»

— Вы, вероятно, пойдете встречать ваших родных, — сказал он, вставая. — Я попрошу вас передать им, что был бы счастлив показать им свой колледж, не то чтобы там было что-нибудь интересное, но, может, им захочется осмотреть его.

— Благодарю, передам.

— Может быть, они зайдут ко мне позавтракать. Слуга у меня очень искусный мальш.

Джолли выразил сомнение — вряд ли у них будет время.

— Но вы все-таки передадите им мою просьбу?

— Очень любезно с вашей стороны, — сказал Джолли, тут же решив, что они не пойдут, но с ин-

---

* Высшее благо (лат.).

стинктивной вежливостью добавил: — Вы лучше приходите завтра к нам обедать.

— Охотно. В котором часу?

— Половина восьмого.

— Во фраке?

— Нет.

И они расстались с чувством смутной вражды друг к другу.

Холли с отцом приехали дневным поездом. В первый раз она попала в этот город легенд и башен; она притихла и с какой-то застенчивостью поглядывала на брата, который был своим в этом удивительном городе. После завтрака она принялась с любопытством рассматривать его пенаты. Гостиная Джолли была отделана панелями, и искусство было представлено в ней рядом гравюр Бартолоцци, принадлежавших еще старому Джолиону, и фотографиями молодых людей, товарищей Джолли, несколько героического вида, которых она тут же сравнила с Вэлом, каким он сохранился в ее воспоминаниях. Джолион тоже внимательно рассматривал все, что изобличало характер и вкусы его сына.

Джолли не терпелось показать, как он гребет, и они скоро отправились на реку. Холли, идя между братом и отцом, чувствовала себя польщенной, когда прохожие поворачивались и провожали ее взглядами. Чтобы лучше видеть Джолли на реке, они расстались с ним у плавучей пристани и переправились на другой берег. Стройный, тонкий — из всех Форсайтов только старый Суизин и Джордж были толстяками — Джолли сидел вторым в гоночной восьмерке. Он греб очень энергично и с большим воодушевлением. Джолион с гордостью думал, что он самый красивый из

этих юношей. Холли, как подобает сестре, больше пленилась двумя другими, но не призналась бы в этом ни за что на свете. Река в этот день сверкала, луга дышали свежестью, деревья все еще красовались пестрой листвой. Какая-то особенная тишина царила над старым городом. Джолион дал себе слово посвящать день рисованию, если погода еще продержится. Восьмерка пронеслась мимо них второй раз, направляясь к пристани; у Джолли был очень сосредоточенный вид — он не хотел показать, что запыхался. Отец с дочерью переправились снова на тот берег и подождали его.

— Ах да, — сказал Джолли, когда они подошли к лужайке перед Крайст-Черч-колледжем, — мне пришлось позвать сегодня на обед этого Вэла Дарти. Он хотел пригласить вас завтракать и показать вам Брейсноз-колледж, но я решил, что так будет лучше: вам не придется туда идти. Он мне что-то не нравится.

Смуглое лицо Холли вспыхнуло ярким румянцем.

— Почему?

— Да не знаю, он, по-моему, очень претенциозен и вообще дурного тона. Что представляет собой его семья, папа? Ведь он нам троюродный брат, не правда ли?

Джолион только улыбнулся.

— Спроси Холли, — сказал он, — она видела его дядю.

— Мне Вэл понравился, — ответила Холли, глядя себе под ноги. — Его дядя — совсем не такой.

Она украдкой бросила на Джолли взгляд из-под опущенных ресниц.

— Слыхали ли вы когда-нибудь, дорогие мои, — сказал Джолион, поддаваясь какому-то забавному

желанию, — историю нашего рода? Это прямо сказка. Первый Джолион Форсайт — первый, во всяком случае, о котором до нас что-нибудь дошло, — это, значит, ваш прапрадед — жил в Дорсете на берегу моря и был по профессии «землевладелец», как выражалась ваша двоюродная бабушка, сын землепашца, то есть, попросту говоря, фермер, «мелкота», как называл их ваш дедушка.

Он украдкой взглянул на Джолли, любопытствуя, как примет это мальчик, всегда тяготивший к аристократизму, а другим глазом покосился на Холли и заметил, с какой лукавой радостью она следит за вытянувшимся лицом брата.

— Вероятнее всего, он был грубый и крепкий человек, типичный представитель Англии, какой она была до начала промышленной эпохи. Второй Джолион Форсайт, твой прадед, Джолли, известный больше под именем «Гордого Доссета» Форсайта, строил дома, как повествует семейная хроника, родил десятерых детей и перебрался в Лондон. Известно еще, что он любил мадеру. Можно считать, что он представлял собой Англию эпохи Наполеоновских войн и всеобщего брожения. Старшим из его шести сыновей был третий Джолион, ваш дедушка, дорогие мои, чаеоторговец и председатель нескольких акционерных компаний, один из самых порядочных англичан, когда-либо живших на свете, и для меня самый дорогой. — В голосе Джолиона уже не было иронии, а сын и дочь смотрели на него задумчиво и серьезно. — Это был справедливый и твердый человек, отзывчивый и юный сердцем. Вы помните его, и я его помню. Перейдем к другим! У вашего двоюродного деда Джемса, родного деда этого Вэла, есть сын Сомс, о котором известна не очень краси-

вая история, но я о ней, пожалуй, лучше умолчу. Джемс и остальные восемь человек детей «Гордого Доссета», из которых пятеро еще живы, представляют собой, можно сказать, викторианскую Англию — торговля и личная инициатива, пять процентов с капитала и денежки в оборот, если вы только понимаете, что это значит. Во всяком случае, за свою долгую жизнь они сумели превратить свои тридцать тысяч в кругленький миллион. Они никогда не позволяли себе никаких безрассудств, за исключением вашего двоюродного деда Суизина, которого однажды, кажется, надул какой-то шарлатан и которого прозвали «Форсайт четверкой», потому что он всегда ездил на паре. Их время подходит к концу, тип этот вымирает, и нельзя сказать, что наша страна от этого сильно выигрывает. Это люди прозаические, скучные, но вместе с тем здравомыслящие. Я — четвертый Джолион Форсайт, жалкий носитель этого имени...

— Нет, папа, — сказал Джолли, а Холли крепко сжала его руку.

— Да, — повторил Джолион, — жалкая разновидность, представляющая собой, увы, всего только конец века: незаработанный доход, дилетантство, личная свобода — это совсем не то же, что личная инициатива, Джолли. Ты — пятый Джолион Форсайт, старина, и ты открываешь бал нового столетия.

Пока он говорил, они вошли в ворота колледжа, и Холли сказала:

— Это просто поразительно, папа.

Никто из них, в сущности, не знал, что она хотела этим сказать. Джолли был молчалив и задумчив.

В «Радуге», отличавшейся чисто оксфордской старомодностью, была только одна маленькая, об-

шитая дубом гостиная, в которую Холли в белом платье, смущенная, вышла одна принимать единственного гостя.

Вэл взял ее руку, словно прикоснулся к бабочке; не разрешит ли она поднести ей этот бедный цветочек, он так чудесно пойдет к ее волосам? Он вынул из петлицы гардению.

— О нет, благодарю вас, я не могу.

Но она взяла и приколола цветок к вырезу платья, внезапно вспомнив слово «претенциозный». Гардения в петлице Вэла слишком бросалась в глаза, а ей так хотелось, чтобы Вэл понравился Джолли. Сознавала ли она, что Вэл в ее присутствии проявлял себя с самой лучшей, с самой скромной стороны и что в этом-то, может быть, и заключался почти весь секрет его привлекательности для нее?

— Я никому не говорила о нашей прогулке, Вэл.

— И очень хорошо! Пусть это останется между нами.

То, что он от смущения не знал, куда девать руки и ноги, вызывало у нее восхитительное ощущение своей власти и еще какое-то теплое чувство — желание сделать его счастливым.

— Расскажите мне об Оксфорде, здесь, должно быть, так интересно.

Вэл согласился, что, конечно, необыкновенно приятно делать то, что хочешь; лекции — это ерунда, а кроме того, здесь есть отличные ребята.

— Только, — прибавил он, — я бы, конечно, больше хотел быть в Лондоне, я бы тогда мог приезжать к вам.

Холли смущенно пошевелила рукой на колене и опустила глаза.